

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/YYTUQZ>
УДК 821.19.0
ББК 83.3(5Арм)

ПОЭМА АВЕТИКА ИСААКЯНА «АБУЛ АЛА МААРИ» И ЕЕ ГЕРОЙ

© 2026 г. А.В. Исаакян

*Институт литературы им. М. Абеяна,
Национальная академия наук Республики Армения,
Ереван, Армения*

Дата поступления статьи: 24 января 2026 г.

Дата одобрения рецензентами: 25 февраля 2026 г.

Дата публикации: 25 июня 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-136-149>

Аннотация: Статья посвящена философской поэме Аветика Исаакяна «Абул Ала Маари» (1910), которая стала переломным этапом в творчестве поэта и в развитии армянской литературы начала XX в. В отличие от ранних произведений, проникнутых национально-освободительной и лирической тематикой, данная поэма представляет собой философское осмысление человеческого существования, страдания и сопротивления несправедливости. Образ арабского поэта-философа аль-Маарри (973–1057) рассматривается Исаакяном как историческая личность и как символическое воплощение его собственного мировоззрения, отражающего изгнание, трагедию и духовный протест. В статье анализируются исторический контекст создания поэмы, параллели между Исаакяном и аль-Маарри, а также более широкие связи с армянской и восточной литературными традициями. Особое внимание уделяется автобиографическому измерению поэмы, в которой Исаакян отождествляет себя с «мудрецом из Маарры». Делается вывод, что «Абул Ала Маари» является не только художественным откликом на личный и национальный опыт поэта, но и произведением универсального значения, сопоставимым с «Книгой скорбных песнопений» Григора Нарекаци — гениального армянского поэта Средневековья.

Ключевые слова: Аветик Исаакян, «Абул Ала Маари», аль-Маарри, философская поэзия, символизм, восточная литература, караван, пустыня

Информация об авторе: Авик Вигенович Исаакян — доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом текстологии, Институт литературы им. М. Абеяна НАН РА, ул. Григора Лусаворича, д. 15, 0015 г. Ереван, Армения.

E-mail: ruzsar@mail.ru

Для цитирования: Исаакян А.В. Поэма Аветика Исаакяна «Абул Ала Маари» и ее герой // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 2. С. 136–149.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-136-149>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 2, 2026

AVETIK ISAHAKYAN'S POEM "ABUL ALA MAARI" AND ITS HERO

© 2026. Avik V. Isahakyan

*M. Abeghyan Institute of Literature of the National
Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Yerevan, Armenia*

Received: January 24, 2026

Approved after reviewing: February 25, 2026

Date of publication: June 25, 2026

Abstract: The article examines Avetik Isahakyan's philosophical poem "Abul Ala Maari" (1910), which represents a turning point in the poet's creative development and the evolution of Armenian literature of the early 20th century. Unlike his earlier works, marked by national liberation and lyrical themes, this poem introduces a universal philosophical perspective on human existence, suffering, and resistance to injustice. The figure of the Arab poet-philosopher al-Ma'arri (973–1057) is interpreted by Isahakyan both as a historical character and as a symbolic embodiment of the author's own worldview, reflecting exile, tragedy, and spiritual rebellion. The article explores the historical context of the poem's creation, the parallels between Isahakyan and al-Ma'arri, and the broader connections with Armenian and Eastern literary traditions. Particular attention is given to the autobiographical dimension of the poem, in which Isahakyan identifies himself with the "sage of Ma'arra." The study concludes that Abul Ala Maari is not only a poetic response to the author's personal and national experience but also a work of universal significance, comparable to "Book of Lamentations" by Grigor Narekatsi, a brilliant Armenian poet of the Middle Ages.

Keywords: Avetik Isahakyan, "Abul Ala Maari," al-Ma'arri, philosophical poetry, symbolism, Eastern literature, caravan, desert

Information about the author: Avik V. Isahakyan, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Textology, M. Abeghyan Institute of Literature of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Grigor Lusavorich St., 15, 0015 Yerevan, Armenia.

E-mail: ruzsar@mail.ru

For citation: Isahakyan, A.V. "Avetik Isahakyan's Poem 'Abul Ala Maari' and Its Hero."

Studia Litterarum, vol. 11, no. 2, 2026, pp. 136–149. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-2-136-149>

Введение. Творчество Аветика Исаакяна (1875–1957) занимает особое место в истории армянской литературы конца XIX – первой половины XX в. Если ранние его произведения («Песни и раны», «Песни гайдука», «Песни Алагяза») связаны прежде всего с национально-освободительной тематикой, то поэма «Абул Ала Маари» (1910) демонстрирует иное качество поэтического мышления: философскую глубину, мировую скорбь, мотивы отрицания и бунта против миропорядка. Созданная в период испытаний и общественных потрясений, поэма стала значительным этапом в развитии философской линии армянской поэзии, выведя ее на уровень универсальных, общечеловеческих обобщений. В центре произведения — образ арабского поэта-философа Абу-ль-Аля аль-Маарри (973–1057), воспринятый Исаакяном не только как историческая фигура, но и как символ духовного родства, воплощение многих сходных идей мировосприятия.

Основное содержание. Когда была написана поэма «Абул Ала Маари» (1910), то перед нами рядом с автором поэтических циклов «Песни и раны» (1898), «Песни гайдука» (1900–1905), поэмы «Песни Алагяза» (1895–1917) предстал несколько иной Аветик Исаакян — поэт-философ мировой скорби и печали, поэт-глашатай великого бунта. И закономерно, что именно армянский поэт должен был создать поэму всеобъемлющего отрицания, потому что в тот исторический период, когда создавалась поэма «Абул Ала Маари», армянский народ, более чем любой другой народ, имел право ненавидеть и ниспровергать, отрицать и бичевать и с особой силой стремиться изменить миропорядок — этот мир, совершивший и совершающий невиданные доселе преступления, мир, основанный на всеобщей несправедливости. Ни один народ в начале XX в. не оказался в такой трагической и

горестной ситуации, как армянский народ. Народ, переживший в новейшей истории человечества геноцид.

И потому армянский поэт имел право поднять свой голос и сказать:

Слепцы и безумцы, не чувствуя сна, упорно не внемля той сказке святой,

Вырывают с борьбой друг у друга куски, друг друга толкают к могиле с борьбой... Злосчастные люди! все будет — лишь прах; ваши злые сердца и дела ваших рук.

Безучастное время сотрет все следы кровавой расправы, и славы, и мук!

«Абул Ала Маари» (пер. В. Брюсова¹) [5, с. 423]

И среди армянских поэтов это право в наибольшей степени имел Аветик Исаакян. Он получил это право историей своей жизни (тюрьмы и ссылка, долгие годы преследований), и самой сутью своих патриотических произведений («Песни Гайдука», «Масса Манук», «Колокол Свободы») [6; 14], и всенародной любовью читателя.

Поэма «Абул Ала Маари» была создана в такой период, когда в июне 1909 г. поэт под залог был отпущен из тюрьмы Метехи в Тифлисе и вскоре, во избежание долгих годов ссылки в Сибирь, должен был покинуть родину и жить в изгнании. В Закавказье жизнь поэта постоянно находилась под надзором царской охранки, а впереди маячил судебный процесс по «делу Дашнакцутюн» с угрозой нового ареста.

Сегодня трудно сказать, как у Исаакяна возникла идея написания поэмы «Абул Ала Маари». Известна такая история: летом 1909 г., когда Исаакян ехал поездом из Тифлиса в Александрополь, по дороге, на рассвете, под первыми солнечными лучами увидел на горизонте караван верблюдов, перевозящих по древнему пути соль в Персию. Караван двигался параллельно поезду, колеса которого будто откликались на шаги каравана. Так в сознании поэта возникли и образ будущей поэмы, созвучный его мыслям, и ее ритм, соразмерный поступи каравана. Эту историю упоминал сам Исаакян, и она,

¹ Поэма Ав. Исаакяна «Абул Ала Маари» была переведена на русский язык В.Я. Брюсовым в 1915–1916 гг. и впервые была издана в антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» [8].

несомненно, также способствовала извержению, словно лавы вулкана, долгое время зревших и накалявшихся в душе поэта мыслей и переживаний, что вылилось в создание такого мощного произведения, каким стала поэма «Абул Ала Маари». В автографе указан срок ее написания: «с 30 августа по 2 сентября 1909 года и с 27 марта по 4 апреля 1910 года, в Казарапате».

Кстати, записи, сделанные в 1909 г. в «Дневниках» Исаакяна, отсутствуют. Когда и с каким сердцем мог писать поэт, если с декабря 1908 до июня 1909 г. он находился в тюрьме Метехи в Тифлисе?

Нетрудно догадаться, что душевный мир Исаакяна был смятен и взбудоражен. Он прекрасно понимал, что, решив уехать с Кавказа, не только покидает родину, но прощается и с важным периодом своей жизни — насыщенным творчеством и событиями личного характера — женитьбой, рождением сына. Он понимал, что, уходя от привычной жизни в неизвестность и неопределенность, покидая Кавказ, он должен был создать такое произведение, которое бы ознаменовало «звездный час» его творчества.

Он знал: то мощное творческое вдохновение, которое давала ему родина, нигде больше не повторится. Перед расставанием он должен был показать себя во всей силе творческого порыва, и таким произведением стала поэма «Абул Ала Маари». Исаакян должен был придать армянской поэзии беспрецедентный философский смысл. Подчеркивая общечеловеческие идеи вселенского звучания, он пришел к таким обобщениям и выводам, которые до него смог сделать лишь великий поэт Средневековья — Григор Нарекаци. И спустя девять веков после создания поэмы Нарекаци «Книга скорбных песнопений» Исаакян сумел развить великие традиции Нарекаци в контексте общечеловеческих ценностей. Валерий Брюсов, замечательный переводчик поэмы «Абул Ала Маари» на русский язык, в своих «Лекциях об армянской литературе» назвал поэму Исаакяна «поистине великолепной, одним из прекраснейших созданий всей вообще всемирной литературы последних десятилетий»².

Таким образом, начиная с 1910 г. имя ширакской деревни Казарапат получило свое постоянное место на литературной карте мира.

Название поэмы — «Абул Ала Маари» — это несколько измененная форма имени гениального арабского поэта Абу-ль-Аля аль-Маарри, ро-

² Брюсов В.Я. Лекции об армянской литературе // НИОР РГБ. Ф. 386. Оп. 51. Ед. хр. I. Л. 50.

дившегося в сирийском городе Маарра в 973 г. и скончавшегося в 1057 г. Поэт прожил всю жизнь в родном городе, за исключением одного года (1010), проведенного в Багдаде, центре арабского халифата. Биографические факты жизни поэта гласят, что в четырехлетнем возрасте он лишился зрения вследствие перенесенной оспы. С одиннадцати лет начал писать стихи, был человеком выдающихся способностей, знал наизусть весь «Коран» и множество книг. Свои сочинения он держал в памяти и диктовал ученикам, которые записывали их с его слов. Наделенный исключительными умственными способностями, аль-Маарри уже с двадцати лет был не только признанным поэтом, автором филологических трудов, но и известным философом [3]. Аль-Маарри оставил тысячи стихотворных строк религиозного и философского содержания (которые, кстати, и по сей день вызывают огромный интерес на всем Востоке), при этом он возвел жанр философско-аскетической лирики («зухдийят») в арабской классической литературе на новую высоту [4].

Существуют определенные схожие черты и у Исаакяна, а это очень важное обстоятельство при выборе героя поэмы. Примечательно, что у Исаакяна есть восточная легенда-притча «Непобедимый халиф» (1909), где воссоздан образ молодого халифа, потомка известного халифа Гаруна аль-Рашида, любящего поэзию и пение. Этот халиф — пожалуй, единственный положительный образ в ряду восточных владык, встречающихся в произведениях Исаакяна. Вероятно, основой создания этой легенды послужили средневековые арабские источники, которые он изучал в молодые годы на немецком языке.

В поэме Исаакяна четко просматриваются своеобразные отзвуки и параллели творений Абу-ль-Аля аль-Маарри и гениального армянского поэта Средневековья Григора Нарекаци, автора «Книги скорбных песнопений». Хотя они не могли знать друг друга, тем не менее они были современниками, жили в один и тот же исторический период и сравнительно недалеко друг от друга — в регионе Ближневосточного Междуречья. У них были разные истоки веры. Огромной была разница и между их вероисповеданиями, но каждый из них, движимый стремлением почитать своего духовного Владыку и служить Ему, был искренен и предан. В этом отношении можно провести множество параллелей между их произведениями. Шедевр Нарекаци — поэма «Книга скорбных песнопений» («слово к Богу от глубины

сердца») — представляет тернистый путь, который человек должен пройти, чтобы обрести право устремить свой взор к Богу. Теми же устремлениями проникнуто и знаменитое произведение арабского поэта Абу-ль-Аля аль-Маарри «Послание о прощении» или «Книга прощения». Исаакян, читая их сочинения, не мог не почувствовать определенного сходства между «мудрецом из Маарры» и великим мыслителем из армянского монастыря Нарек.

Современные исследователи поэмы Исаакяна, в свою очередь, не могут не почувствовать куда более глубокую связь между аль-Маарри и героем поэмы Исаакяна. Комментируя легенды Исаакяна о великих личностях Востока, я писал о том, что размышления Исаакяна так же общечеловечны, как его герои и символика их судеб [2]. В этом смысле Чингисхан, Ши-Хонг-ти — образы-символы, выражающие идею автора. Но сам Исаакян в этих произведениях не историк и не романист. Его подход — философский. Речь идет о типических и обобщенных чертах, скорее всего, об отношениях мира и человека-тирана, мира и человека-творца. Природа Чингисхана с особой силой воплощает идею насилия, он — символ завоевателя, так же как Саади — символ созидателя. В этом плане на месте имени Саади вполне можно было представить имя Рудаки, Фирдоуси, Нарекаци или другого великого творца Востока. Главное — суть явления. Исторические имена — их символы. Очевидно, по отношению к указанным произведениям Исаакяна такая точка зрения справедлива. Но иное дело — поэма «Абул Ала Маари».

В армянском литературоведении всегда господствовало мнение, что арабский поэт был для Исаакяна символом великого поэта Востока и что поэму он написал скорее о себе самом, нежели об арабском поэте X–XI вв., что имя Абул Ала Маари послужило лишь поводом для создания произведения, в котором раскрывается как его собственный внутренний мир, так и его понимание мира. Следует сказать, что эта точка зрения отчасти верна, но лишь в определенной мере. На самом деле поэт и мыслитель из Маарры оказал куда большее влияние на Исаакяна, чем можно предполагать.

Абу-ль-Аля аль-Маарри — сложное значительное явление в арабском мире. Как в свое время на Ближнем Востоке, так и ныне во всем мусульманском мире он — один из самых читаемых и признанных поэтов и мыслителей. Он создал обширное литературное наследие, из которого лишь часть дошла до современности. При жизни пользовался огромным авторитетом:

к нему, «мудрецу из Маарры», приходили тысячи людей, его уважали и почитали как непревзойденного мастера поэтического искусства и великого мудреца. Собрание его сочинений было издано в Сирии в 2000 г. в 24 томах. И ныне он один из самых читаемых авторов в странах Ближнего Востока.

Особенно известны два произведения аль-Маарри: «Послание о прощении» («Рисалат аль-гуфран») и «Обязательность необязательного» («Лузумийат»). Первое — это путешествие героя в ад и рай, отчасти напоминающее «Божественную комедию» Данте, где в аллегорической форме подвергается критике ряд коранических представлений о потустороннем мире. Современники расценивали его взгляды как «призывы к неверию». Второе — поэтический сборник «Лузумийат», справедливо считающийся одним из шедевров средневековой арабской философской лирики. Именно этой книге в определенном смысле созвучны мысли и настроения поэмы Исаакяна. Основные темы, поднятые в сочинениях аль-Маарри, касаются не только важнейших вопросов его времени, но и выходят за пределы его эпохи. В центре его критического слова — социальные противоречия действительности, законы общества, основанные на насилии и лжи, а также ничтожность и безнравственность человеческих поступков, порожденных фальшью и безнравственностью данного общественного строя.

Аль-Маарри воспринимает зло и страдание как вечных спутников человеческой жизни. В «Лузумийат» он мучительно размышляет о взаимосвязи жизни и смерти, непостижимости мироздания, быстротечности человеческого бытия, доходя до трагических обобщений. Его поэзия скорее стремится разрушить существующий порядок, чем создать новый. И вся книга аль-Маарри «Лузумийат» отображает действительность как хаос, лишенный гармонии, который чреват необходимостью перемен, а автора повсюду преследует «мировое зло», ведущее к глубокой критике миропорядка (творения Аллаха).

«Мудрец из Маарры» в своем мышлении и мироощущении X–XI вв. далеко опередил свое время. Свет его размышлений, исходящий из Месопотамии, был нужен людям еще многие века. Поэтому, выбирая героя для своей будущей поэмы, Исаакян обращался не только к поэтическому имени аль-Маарри, но и к истокам его мировоззрения. Слепой поэт из Маарры стал ему близок прежде всего глубиной философской мысли, бунтарским темпераментом «Великого отрицателя», свободолюбивым звучанием его

произведений и драматичностью восприятия мира. Исаакян сроднился со своим героем не только внешними, формальными чертами, но и внутренним духовным родством. Духовные связи между Абу-ль-Аля аль-Маарри и Аветиком Исаакяном глубоки и многогранны. Этот выбор был продиктован именно той духовной близостью, которую Исаакян почувствовал к своему герою. И если многое по этому поводу он не выразил в своих статьях или письмах, то сказал своей поэмой.

Когда речь идет о таких творцах, как аль-Маарри и Исаакяне, надо понимать: случайностей здесь не бывает. Восток давно уже пленил сердце армянского поэта своими певцами — Хафиз, Саади, Фирдоуси, Хайям, Рудаки. С детства, слушая восточные песни и легенды, живя недалеко от древних путей, по которым караваны уходили в сказочные страны Востока, юный Исаакян был неодолимо очарован им. Армянин вообще связан с Востоком — тем более сверхчувствительный поэт. Так что появление в поле зрения Исаакяна столь легендарного образа, каким был Абу-ль-Аля, имело свои основания, и прежде всего — образ поэта и его творчество. Поэтическая интуиция Исаакяна подсказала ему, кем был «мудрец из Маарры». Да и он, пожалуй, лучше своих современников понял дух Великого мыслителя, осознал и то, что именно Абу-ль-Аля нужен ему в качестве «переводчика души» Востока. И он должен был заговорить устами Абу-ль-Аля — не как арабский поэт, автор многочисленных произведений, а как своеобразный выразитель мыслей и раздумий армянского поэта. Он должен был заговорить устами аль-Маарри на армянском языке, Абу-ль-Аля аль-Маарри должен был стать «Абул Ала Маари» — героем поэмы великого армянского поэта XX в. Таким образом, Исаакян сделал выбор обдуманый, взвешенный и глубокий: это не было случайностью. Он прекрасно понимал и то, кто его герой, и ту внутреннюю связь, которая существовала между ним и аль-Маарри.

Благодаря переводу Брюсова поэма Исаакяна обрела в России известность и любовь читателей. Так, сразу после выхода антологии известный русский литературовед, председатель Общества любителей российской словесности А.Е. Грузинский в письме к одному из инициаторов создания «Поэзии Армении...», К. Микаэляну, писал: «Какая прелесть этот сборник! Я изумлен многими сторонами армянской поэзии... Притом редкая красота и сложность форм стиха, ритма, мелодий. Переводы почти все очень хо-

роши, брюсовские выше похвал: в Абул Маари я просто влюбился. Книга эта — ценное приобретение и для русской литературы» [9, с. 499]³. Русский писатель Валерий Язвицкий, автор рецензии на сборник «Поэзия Армении...» в журнале «Армянский вестник», воодушевленный поэмой Исаакяна, написал по ее мотивам стихотворение «Спал еще пышный Багдад» [10].

Поэма также вызвала полемику между Брюсовым и известным российским арабистом И.Ю. Крачковским, позднее ставшим академиком (1921). И.Ю. Крачковский обратился к Брюсову с письмом, в котором выражал свое недовольство тем, что в поэме Исаакяна искажены факты биографии арабского поэта. В частности, он писал, что реальный поэт жил в городе Маарре, а не в Багдаде, что он ослеп в трехлетнем возрасте, и т. д. И.Ю. Крачковский, очевидно, рассматривал поэму как строго документальный рассказ о жизни арабского поэта и поэтому возмущался нарушениями в фактографии. Брюсов, возражая ученому, писал о художественном значении поэмы. Ныне этот спор канул в Лету, но в истории литературы остался отзыв Брюсова о поэме: «Исаакян написал поэму. Хорошо ли я ее перевел как поэт, судить не мне. Но что я поступил хорошо, включив поэму в сборник, это я утверждаю: она характерна для Исаакяна и она прекрасна сама по себе, как создание искусства» [7, с. 550]⁴.

Первый русский переводчик поэмы «Абул Ала Маари» Валерий Брюсов в предисловии составленного им сборника «Поэзия Армении» пишет: «Здесь Исаакян выступает как один из европейских поэтов, ставя себе те же или сходные задачи, разрешить которые стремятся и лирики других народов — французские, немецкие, русские... По этим стихам можно судить, какого большого мастера имеет армянская литература в лице Аветика Исаакяна. Впрочем, характерно все же, что героем его основной поэмы избран *арабский* поэт и что вся она насыщена роскошью и негой Азии. Элементы Востока и здесь торжествуют свою победу...» [8, с. 84].

Уже после выхода сборника «Поэзия Армении» Исаакян в письме к литературоведу Карену Микаэлян от 18 марта 1917 г. из Женевы совершенно четко пишет:

3 Со временем перевод Брюсова поэмы «Абул Ала Маари» стал своеобразным литературным памятником, вошедшим в золотой фонд русской переводческой культуры.

4 Подробнее об истории этой переписки см. в книге первого издателя этой переписки К.Н. Григоряна «Творческий путь Аветика Исаакяна»: [1, с. 152–159].

Ты пишешь, что «Маари» не соответствует историческому лицу. Это, дорогой мой, я хорошо знаю. Мне нужно было лишь имя, древность, колорит и отчасти его пессимистически-философский настрой души. Его сочинения я читал и на немецком, и на французском, знаю, что он был слеп, в Багдаде не жил. Но это не важно, там я сам, никто иной, только я — под чужим плащом.

Теперь относительно слова «сура», это слово, правда, встречается в «Коране» и оно созвучно армянскому слову *սրահ*, что означает ряд, очередность, но я хотел новый Коран написать (мания грандиоза, не сочти это бахвальством!). Ведь я написал: «Ты, свобода, бессмертный, святой Аль-Коран соловьев, что в раю распевают в тиши!» [10, с. 290].

Его слово прежде всего связано с собственной личностью, со своим образом мыслей, с судьбой родного народа. У Исаакяна авторское видение всегда оставалось ведущим.

В этом смысле и другие его герои — великие творцы Востока — Саади, Ли-Тай-По, Омар Хайям — в определенной степени становятся воплощением его собственного «я», его человеческой натуры. Для понимания поэмы очень важно также признание Исаакяна, сделанное редактору газеты «Зов Армении» Ованнесу Авагяну (31 января 1926 г., Венеция):

Что касается «Абул-Ала Маари», дорогой Авагян, он — дитя моей души. Мне не чужд этот трагический пессимизм. Мне попала в руки небольшая книжка произведений знаменитого арабского поэта в немецком переводе. Я прочитал ее и нашел, что его душа сродни моей... И так как его среда совпала с моей романтической натурой — караван, пустыня, Восток таинственный — я выбрал его как выразителя моих переживаний. От арабского поэта я взял лишь две строки и больше ни одного слова, ни одного образа, чтобы это не было заимствованием. Даже обстоятельства его жизни я изменил: он был беден, слеп, не выезжал из Маарры, а я оставил лишь суть, его и мою одновременно...

Удалось ли мне это — не знаю. Правда в том, что, увы, я слишком страдал: тюрьмы, ссылки, изгнания, вечная неустроенность, тяжелые утраты, а в итоге — трагедия всего армянства, которая заставляет забыть личные скорби и боль. И «Маари» — плод всего этого. Не нужно мне петь о резне,

чтобы показать мое горе (после Сиаманто трудно петь), но критики русских и немецких переводов «Абу-Лала» сказали, что только армянин мог быть столь мрачным пессимистом. Необъяснимая, ужасающая резня только и могла так омрачить душу, душу армянина... [11, с. 145].

Годы спустя он в своих «Дневниках» [13] (июнь 1928) оставил записи: «Психологически быть готовым... Отец Сергей — это сам Толстой, его внутренний человек, подлинный Толстой. Так и я — Абул-Ала Маари» [12, с. 372]. Позже, в письме известному филологу Левону Меликсет-Беку (29 декабря 1947 г., Ереван), он написал: «Есть поэты, которых я очень любил и люблю: Байрон, Гейне, Мицкевич, Лермонтов, и среди них — Н. Бараташвили. Абул Ала близок духу байроновского Чайльд-Гарольда, “Фариса” Мицкевича и “Мерани” Бараташвили. Так и они, очень близки моим настроениям — здесь есть духовное родство. Что касается метрики — это известная форма касиды, персидско-арабский бейт» [11, с. 517–518]. По собственному свидетельству Исаакяна, герой поэмы был не только гениальным арабским поэтом X–XI вв., но и выразителем мировосприятия самого армянского автора, воплощением его помыслов и идеалов. Другими словами, Исаакян написал своего «Заратустру»...

Заключение. Поэма «Абул Ала Маари» занимает важное место в творчестве Аветика Исаакяна и в целом в истории армянской литературы XX в. Выбранный поэтом герой — арабский мыслитель и поэт X–XI вв. аль-Маарри — стал не только образцом непокорного поэта и великого пророка, но и своеобразным духовным «двойником» автора, через которого выражена трагическая философия боли и надежды, своего времени. Соединяя восточную поэтическую традицию с армянской духовной культурой, Исаакян создал произведение, соизмеримое с мировыми философскими поэмами. В этом смысле «Абул Ала Маари» может быть сопоставлена с «Книгой скорбных песнопений» Нарекаци и с европейскими образцами философской поэзии. Поэма является не просто откликом на историческую ситуацию начала XX в., но и универсальным раздумьем о судьбе человека, его борьбе с мировым злом и поиске свободы.

Список литературы

Исследования

- 1 Григорян К.Н. Творческий путь Аветика Исаакяна. Ереван: Айастан, 1975. 214 с.
- 2 Исаакян А.В. Аветик Исаакян и Россия. М.: Сов. писатель, 1988. 304 с.

Источники

- 3 Абу-ль-Аля аль-Маарри. Избранное. М.: Худож. лит., 1990. 430 с.
- 4 Абу-ль-Аля аль-Маарри. Стихотворения / пер. с араб. А. Тарковского. М.: Худож. лит., 1979. 183 с.
- 5 Исаакян А. Избранное. Стихотворения. Легенды и баллады. Басни. Поэмы. Ереван: Варпет, 2006. 486 с.
- 6 Исаакян А.С. Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1975.
- 7 Григорян К.Н. Переписка академика И.Ю. Крачковского с В.Я. Брюсовым в связи с русским переводом поэмы Аветика Исаакяна «Абул Ала Маари» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1958. Т. XVII. Вып. 6. С. 547–554.
- 8 Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней / под ред., со вступ. очерком и примеч. В. Брюсова. М.: Изд. Московского армянского комитета, 1916. 484 с.
- 9 Поэзия Армении Народная — средневековая — новая в переводе русских поэтов / [под ред. и с ист.-лит. очерком, с. 27–94, В. Брюсова]. Ереван: Айастан, 1966. 511 с.
- 10 Язвицкий В. Поэзия Армении // Армянский вестник. 1917. № 12. С. 5–8.
- 11 Исаакян А. Полн. собр. соч.: в 14 т. Ереван: Эдит Принт, 2020. Т. 13: Письма. 720 с. (На арм. яз.).
- 12 Исаакян А. Полн. собр. соч.: в 14 т. Ереван: Эдит Принт, 2021. Т. 14: Письма. 1136 с. (На арм. яз.).
- 13 Исаакян А.С. Дневники. Ереван: Советакан грох, 1977. 472 с. (На арм. яз.).
- 14 Исаакян А.С. Сочинения. Ереван: Армгосиздат, 1955. 400 с. (На арм. яз.).

References

- 1 Grigorian, K.N. *Tvorcheskii put' Avetika Isaakiana* [*The Creative Path of Avetik Isahakyan*]. Erevan, Aiastan Publ., 1975. 214 p. (In Russ.)
- 2 Isaakian, A.V. *Avetik Isaakian i Rossiia* [*Avetik Isahakyan and Russia*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 304 p. (In Russ.)